

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра зарубежной филологии и прикладных коммуникаций
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему «Прагматические аспекты перевода романа Антонии Байетт
«Обладать»»

Исполнитель _____ Хасанова Севара Рамиз кизи _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ к.ф.н, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____

(фамилия, имя, отчество)

К защите допускаю»

И.о. заведующего кафедрой _____

_____ к.ф.н., доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____

«20» июня 2025г.

Санкт-Петербург

2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы анализа прагматики художественного текста и его перевода	6
1.1 Прагматика как раздел лингвистики и переводоведения	6
1.1.1. Понятие прагматики, ее задачи и цели, теория речевых актов: Дж. Л. Остин, Дж. Р. Сёрл ..	6
1.1.2. Кооперативный принцип и импликатуры: труды Г. П. Грайса	7
1.1.3. Принцип вежливости: вклад Джеффри Нила Лича	12
1.1.4. Прагматическая функция контекста	14
1.2. Прагматические трудности в художественном переводе.....	14
1.2.2. Проблема прагматического эквивалента	16
1.2.2. Прагматико-стилистические особенности перевода	17
1.2.3. Интертекстуальность как прагматический вызов переводу	19
1.3. Переводческая практика и приёмы передачи прагматических значений	23
1.3.2. Подходы Ю. А. Найды (формальная/динамическая эквивалентность)	23
1.3.2. Концепции В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова.....	23
1.3.3. Современные теории переводческой прагматики, критика классических подходов, новые решения	22
Вывод по Главе 1.....	26
Глава 2. Прагматические особенности текста романа А. S. Byatt «Possession: a Romance» и их реализация в переводе	29
2.1. Структурные и прагматические особенности оригинального текста	31
2.1.1. Особенности жанра и стиля романа А. С. Байетт «Обладать».....	31
2.1.2. Полифония, гетероглоссия, цитатность и разнообразие регистров	30
2.2. Передача аспектов невербальной коммуникации и косвенных речевых актов.....	32
2.2.1. Примеры передачи невербальной коммуникации	32
2.2.2. Примеры передачи косвенных речевых актов в переводе	38
2.3. Принципы вежливости в переводе: сохранение и трансформация прагматических функций	42
2.4. Передача интертекстуальных элементов и их прагматической функции.....	48
Вывод по Главе 2.....	53
Заключение	55
Список литературы	586

Введение

Современное переводоведение всё чаще обращается к прагматике как к ключевому аспекту при анализе художественного текста. Это обусловлено тем, что прагматические элементы играют важную роль в создании художественного мира произведения. Их адекватная передача в процессе перевода становится важной задачей, особенно когда речь идёт о сложных постмодернистских текстах.

Роман Антонии Байетт “Обладать” (1990) представляет собой уникальный пример художественного текста, сочетающего элементы викторианского эпистолярного романа, современной академии, поэтической вставки и детектива. Байетт создаёт многоголосую структуру, в которой стиль и жанр выполняют важную прагматическую функцию. Именно поэтому перевод данного текста представляет собой серьёзную теоретическую и практическую задачу.

Особый интерес представляет перевод, выполненный В. К. Ланчиковым и Д. В. Псурцевым (2015), отличающийся высокой степенью стилистической точности и вниманием к культурным реалиям. Тем не менее, при анализе перевода можно выявить целый ряд прагматических трансформаций, потерь и находок, которые требуют научного осмысления.

Объектом исследования выступают особенности художественного перевода как формы межкультурной коммуникации.

Предметом исследования являются прагматические аспекты перевода романа Антонии Байетт «Обладать».

Цель работы заключается в исследовании прагматических особенностей оригинального текста и способов их передачи в русском переводе романа «Обладать».

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть основные теоретические подходы к прагматике и художественному переводу.

2. Определить прагматические функции диалога, стилистики и интертекстуальности в оригинальном тексте.
3. Проанализировать особенности передачи прагматических значений в русском переводе.

Методы исследования включают описательный и сопоставительный анализ оригинала и перевода, элементы дискурсивного анализа, а также метод интерпретации прагматической информации в контексте художественного дискурса.

Материалом исследования послужили оригинальный текст романа «*Possession: a Romance*» Антонии Байетт и его перевод на русский язык, выполненный В. Ланчиковым и Д. Псурцевым.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе прагматических особенностей художественного текста в оригинале и переводе (на материале романа «Обладать» Антонии Байетт). Впервые в рамках бакалаврского исследования рассматриваются не только отдельные аспекты прагматики (вежливость, речевые акты, регистр), но и их взаимодействие в условиях многожанрового, интертекстуального и стилистически насыщенного произведения.

Результаты исследования могут быть использованы при анализе художественного текста в курсе практики перевода, в преподавании теории прагматики и стилистики, а также при подготовке специалистов в области художественного и литературного перевода. Помимо этого работа может служить основой для дальнейших исследований в области когнитивной прагматики и переводческой интертекстуальности.

Структура работы. В соответствии с поставленной целью и задачами выбрана структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений. В первой главе

рассматриваются теоретические основы изучения прагматики в переводе. Вторая глава посвящена практическому анализу перевода романа «Обладать», включая сопоставление оригинала и перевода. В заключении формулируются основные выводы и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

Апробация работы. Было осуществлено выступление на международной научно-практической конференции молодых учёных 7.04.2025 «Молодежь и наука: настоящее и будущее» с темой доклада «Прагматика диалогов в произведениях Антонии Байетт».

Глава 1. Теоретические основы анализа прагматики художественного текста и его перевода

1.1. Прагматика как раздел лингвистики и переводоведения

1.1.1. Понятие прагматики, ее задачи и цели, теория речевых актов: Дж.

Л. Остин, Дж. Р. Сёрл

Прагматика изучает, как контекст формирует значение помимо лингвистических структур, фокусируясь на намерениях говорящего и интерпретации слушателя [37]. По определению В. Бублица и Н. Р. Норрика, прагматика в узком значении понимается как систематическое исследование того, что и как люди имеют в виду, когда используют язык в качестве инструмента для совершения действий в определенном контексте и с определенной целью [24, с. 18]. Ее главная цель - выяснить, как новое значение возникает в конкретных социальных и культурных условиях, а задачи - проанализировать коммуникативные акты, инференционные процессы и контекстуальные эффекты. В художественном переводе прагматика имеет решающее значение для сохранения коммуникативного намерения, например, таких текстов, как роман «Обладать» А. С. Байетт, где викторианские письма и современные диалоги опираются на особенные прагматические стратегии [59; 60].

Теория речевых актов, разработанная Дж. Л. Остином и Дж. Р. Сёрлом, является основополагающей для прагматики. Речевые акты представляют собой минимальные единицы общения, которые передают намерения говорящего. Дж. Л. Остин выделяет три аспекта речевого акта: локутивный акт (само высказывание), иллокутивный акт (предполагаемое действие, например, обещание) и перлокутивный акт (воздействие на слушателя) [21, с. 94-96]. Его утверждение: «...some cases and senses in which to say something is to do something;

or in which by saying or in saying something we are doing something» [21, с. 12], подчеркивает перформативную природу языка.

По теории, предложенной его учеником, Дж. Р. Сёрлом, каждое высказывание в диалоге выполняет определённую функцию - оно может быть утверждением, просьбой, вопросом или обещанием. Дж. Сёрл уточняет рамки Остина, классифицируя речевые акты на экспрессивы, директивы, комиссивы, репрезентативы и декларативы, каждый из которых определяется иллокутивной силой [45, с. 54]. Он отмечает: «Иллокутивный эффект - это намеренный эффект, который говорящий стремится произвести» [45, с. 46] Перевод речевых актов на русский язык требует сохранения их косвенности для поддержания прагматической эквивалентности.

Эти элементы, часто тонкие и зависящие от контекста, требуют от переводчиков не ограничиваться буквальным значением, а выходить за рамки текста, чтобы сохранить полное коммуникативное воздействие исходного текста. Косвенные речевые акты возникают, когда форма высказывания расходится с его целевой функцией. Дж. Р. Серл [45, с. 30] определяет их как «случаи, когда один иллокутивный акт совершается косвенно, путем совершения другого». Например, «Не могли бы вы передать соль?» - это не вопрос о способностях, а вежливая просьба. Переводчики должны идентифицировать эти действия, чтобы сохранить намерение, поскольку буквальная передача может затушевывать подразумеваемый смысл, тем более что косвенность варьируется в разных языках [37, с. 264].

1.1.2. Кооперативный принцип и импликатуры: труды Г. П. Грайса

Кооперативный принцип Г. П. Грайса является основополагающим понятием в прагматике, объясняющим, как говорящие и слушающие сотрудничают для обеспечения эффективной коммуникации. Исследователь формулирует этот принцип следующим образом: «Делайте свой вклад в разговор таким, какой

требуется на том этапе, на котором он происходит, в соответствии с принятой целью или направлением обмена мнениями, в котором вы участвуете» [25, с. 26]. Он оперирует четырьмя максимами: количество (предоставлять адекватную, но не чрезмерную информацию), качество (быть правдивым и основывать свои высказывания на фактах), отношение (быть релевантным) и манера (быть ясным, кратким и упорядоченным) [25, с. 26-27]. Эти максимы способствуют взаимопониманию, направляя производство высказываний и их интерпретацию в дискурсе [37, с. 101].

Разговорные импликатуры возникают, когда говорящие намеренно нарушают эти максимы, заставляя слушателей делать выводы о дополнительных значениях. Г. П. Грайс объясняет, что разговорная импликатура должна быть ясна и иметь возможность быть заменённой фактом, иначе это импликатура конвенциональная [25, с. 31]. Импликатуры делятся на конвенциональные (привязанные к конкретным выражениям, например, «поэтому», подразумевающее причинно-следственную связь) и неконвенциональные (зависящие от контекста, например, игнорирование релевантности, подразумевающее отказ) [25, с. 25-26]. Например, ответ на вопрос «Который час?» словами «Часы тикают» нарушает релевантность, подразумевая уклонение или неспособность дать прямой ответ. Отказ от максим, например с помощью иронии или гиперболы, порождает импликатуры, которые обогащают коммуникацию, но требуют контекстуальной интерпретации [37, с. 104]. Так, говорящий, опираясь на общие знания и контекст, может передать информации больше, чем сказано буквально. В то же время М. Бейкер отмечает, что суть импликатур в том, как мы понимаем больше, чем на самом деле было сказано [23, с. 235]. Например, саркастический комментарий не сохранит свой смысл без корректировки тона. Кроме того, М. Бейкер затрагивает тему уместности, утверждая, что то, что считается уместным в одной культуре, может быть нелепым или даже грубым в другой [23, с. 218]. Ее стратегии, такие как

экспликация, помогают переводчикам сохранить прагматические нюансы исходного текста.

В художественном переводе с импликатурами возникают особенные сложности. Б. Хатим и И. Мейсон [28, с. 12] утверждают, что переводчики должны «расшифровать прагматическое намерение», стоящее за такими элементами. Такие значения, которые подразумеваются, а не утверждаются, - которые в значительной степени зависят от общих культурных и контекстуальных знаний, усложняют процесс перевода тем, что в литературе они используются для создания глубины характера или напряженности повествования. Например, тонкое замечание в романе может намекать на предательство, но буквальный перевод может стереть это предвещие, уменьшив воздействие текста. Поэтому переводчики должны творчески подходить к переводу, создавая эквиваленты, которые вызывают сопоставимые реакции у целевого читателя, а не строго придерживаться точности дословного перевода.

В переводоведении система Г. П. Грайса имеет решающее значение для анализа того, как подразумеваемые значения передаются между языками. Нетрадиционные импликатуры, будучи очень зависимыми от контекста, создают значительные трудности, поскольку нарушение максимы в одном языке может не вызвать такого же умозаключения в другом [49, с. 172]. Переводчики должны сохранять предполагаемые интенции говорящих, чтобы достичь прагматической эквивалентности, преодолевая культурные и языковые различия. Таким образом, кооперативный принцип и импликатуры Г. П. Грайса обеспечивают теоретическую базу для понимания коммуникативной динамики, обеспечивая понимание сложностей при сохранении смысла в переводе. Проницательность М. Бейкера в вопросах импликатуры позволяет лучше понять тонкие смыслы, заключённые в многогранном романе А. С. Байетт.

1.1.3. Принцип вежливости: вклад Джеффри Нила Лича

Дж. Н. Лич расширяет кооперативный принцип Г. П. Грайса, обращаясь к межличностной динамике общения и вводит принцип вежливости. Дж. Н. Лич утверждает, что говорящие стремятся не только передать информацию, но и сохранить социальную гармонию, предлагая принцип вежливости: «Минимизируйте (при прочих равных условиях) выражение невежливых убеждений и максимизируйте (при прочих равных условиях) выражение вежливых убеждений» [35, с. 81]. Этот принцип действует наряду с системой Грайса, отдавая предпочтение социальной уместности перед простой информативностью [25, с. 26]. Работа Дж. Н. Лича, изложенная в «Principles of Pragmatics», делает акцент на межличностной риторике, где вежливость формирует производство высказываний и их интерпретацию в дискурсе [35, с. 80].

Принцип вежливости Дж. Н. Лича строится на шести максимах: такт (минимизация затрат для других, максимизация выгоды), щедрость (минимизация выгоды для себя, максимизация затрат), уподобление (минимизация порицания, максимизация похвалы других), модальность (минимизация похвалы, максимизация порицания себя), согласие (минимизация несогласия, максимизация согласия) и симпатия (минимизация антипатии, максимизация симпатии) [35, с. 132]. Эти максимы направляют говорящих на смягчение угрожающих лицу действий, таких как просьбы или критика, путем балансирования вежливости, ориентированной на себя и на другого. Например, говорящий может смягчить просьбу («Не могли бы вы помочь?»), чтобы придерживаться максимы такта, уменьшая навязчивость [35, с. 134].

В прагматике принцип вежливости Дж. Н. Лича учитывает культурные и контекстуальные вариации в коммуникации. В отличие от максим Г. П. Грайса, которые предполагают универсальное сотрудничество, максимы Дж. Н. Лича

чувствительны к социокультурным нормам, где стратегии вежливости различаются в разных языках и сообществах [49, с. 174]. Например, прямота, ценящаяся в одной культуре, может нарушать максимум такта в другой, что усложняет интерпретацию высказывания [37, с. 108].

В литературном диалоге также часто используются стратегии вежливости, такие как косвенность или знаки почтения, чтобы отразить социальную динамику или черты характера [35]. Дж. Мандэй отмечает, что стратегия, естественная в одном языке, может показаться неловкой или грубой в другом, и это требует тщательной корректировки [39, с. 154]. Перевод почтительного тона с такого языка, как японский, с его сложной системой почетных знаков, на английский является примером этой проблемы: переводчик должен найти способ выразить уважение, не прибегая к устаревшим или неестественным формулировкам.

В переводоведении система Дж. Н. Лича жизненно важна для сохранения прагматической эквивалентности между языками. Переводчики должны ориентироваться в том, как максимумы вежливости проявляются в культурах оригинала и перевода, чтобы сохранить желаемый социальный эффект. Например, перевод формального извинения из культуры высокой вежливости в культуру низкой вежливости требует корректировки лингвистических маркеров, чтобы избежать чрезмерной или недостаточной вежливости [24, с. 38]. Д. Спербер и Д. Уилсон подчеркивают, что «перевод вежливости предполагает реконструкцию специфической для данного контекста социальной динамики» [49, с. 175], и эта задача усугубляется различиями в культурных весах таких максимумов, как скромность или согласие. Таким образом, принцип вежливости Дж. Н. Лича предлагает теоретическую базу для анализа того, как переводчики балансируют между лингвистической верностью и социокультурной уместностью, обеспечивая эффективную передачу межличностных нюансов в межкультурной коммуникации.

1.1.4. Прагматическая функция контекста

Контекст играет ключевую роль в прагматике, определяя то, как произносятся и понимаются высказывания. По определению С. К. Левинсона [37, с. 21], он включает в себя физическое окружение, участников, их роли, время коммуникации и общие знания, которые они приносят во взаимодействие. Это многогранное понятие влияет на несколько ключевых областей использования языка - дейксис, пресуппозицию, разговорный подтекст, разговорные стратегии и политичность, - каждая из которых имеет существенное значение для переводоведения. Исследуя эти аспекты на примере работ С. К. Левинсона, Д. Ф. Таннен и Дж. Н. Лича, становится возможным понять, с какими трудностями сталкиваются переводчики, достигая прагматической эквивалентности между языками.

Язык часто привязывает себя к непосредственной ситуации с помощью дейксиса - явления, которое С. К. Левинсон [37, с. 62] описывает как использование таких выражений, как «я», «здесь» или «сейчас», значения которых зависят от говорящего, места и времени произнесения. Возьмем, к примеру, предложение «Встретимся здесь завтра»: его интерпретация полностью зависит от того, кто говорит, где он находится и когда он это говорит. Для переводчиков такое выражение представляет определенную сложность, поскольку деиктические ссылки могут не совпадать в разных культурах. Корректировка этих выражений в соответствии с контекстом перевода - иногда путем перефразирования или добавления дополнительной информации - позволяет сохранить ясность и актуальность сообщения.

Аналогичным образом, пресуппозиция опирается на контекст, чтобы подтвердить предположения, заложенные в дискурсе. Когда кто-то говорит: «Машина моей жены красная», то это, как отмечает С. К. Левинсон [37, с. 167],

предполагает, что у говорящего есть жена - предположение, которое может быть или не быть верным в зависимости от ситуации. В переводе эти невысказанные предположения могут дать сбой, если целевая аудитория не обладает такими же фоновыми знаниями. Переводчикам приходится решать, уточнять или адаптировать такие предположения, особенно если культурные различия делают первоначальный замысел неясным, чтобы текст нашел отклик у новых читателей.

Разговорная импликатура, основанная на концепции Г. П. Грайса [25, с. 31], еще больше иллюстрирует роль контекста в раскрытии подразумеваемых смыслов. Такое высказывание, как «Здесь холодно», может намекать на просьбу закрыть окно или просто описывать температуру, в зависимости от обстоятельств. С. К. Левинсон [37] подчеркивает, что контекст разрешает эти двусмысленности, и переводчики должны сохранять такие тонкости. Дословный перевод может не дать нужного результата, поэтому глубокое понимание контекста оригинала и перевода необходимо для того, чтобы передать намеченный смысл на разных языках.

Д. Таннен [51, с. 22] обращает внимание на разговорные стратегии, такие как повторение или диалог, которые контекст превращает в инструменты для обеспечения связности и взаимодействия. Например, повторение фразы может означать согласие или подчеркивание, в зависимости от ситуации. Переводчикам необходимо повторять эти стратегии, чтобы сохранить ритм оригинала и динамику отношений, часто изменяя языковые особенности в соответствии с разговорными нормами языка перевода.

Вежливость, также зависит от контекста, а языковой выбор отражает отношения между говорящими, обстановку и культурные ожидания. Косвенная просьба может свидетельствовать о вежливости в официальном обмене, а прямота - в непринужденном. Переводчики должны корректировать эти выражения в соответствии с нормами вежливости целевой культуры, избегая ошибок, которые

могут изменить социальный тон текста. В конечном итоге контекст пронизывает все слои прагматического значения, от дейксиса до вежливости, ставя перед переводчиками задачу преодоления лингвистических и культурных разрывов. Этот процесс требует чуткого отношения как к исходному, так и к целевому контексту, чтобы переводной текст выглядел так же естественно и целенаправленно, как и оригинал.

1.2. Прагматические трудности в художественном переводе

1.2.1. Проблема прагматического эквивалента

Помимо рассмотренных ранее возникающих в художественном переводе трудностей в виде имплицатур и сохранения вежливости, существуют ещё несколько сложных для адаптации моментов. Так, прагматическая эквивалентность в переводе подразумевает сохранение коммуникативного намерения и эффекта исходного текста на языке перевода, что является исключительной задачей при литературном переводе. М. Бейкер [23, с. 230] определяет ее как обеспечение того, чтобы текст перевода «вызывал те же или подобные когнитивные эффекты», что и оригинал, подчеркивая необходимость передачи не только эксплицитного содержания, но и имплицитных смыслов. Литературные произведения, богатые тонкостями, культурными отсылками и стилистическими нюансами, требуют тонкого баланса между верностью источнику и доступностью для целевой аудитории, что делает прагматическую эквивалентность одной из главных задач.

Б. Хатим и Я. Мейсон уделяют особое внимание прагматическому намерению, рассматривая перевод как коммуникативный процесс. Они утверждают, что «перевод - это коммуникативный акт, и переводчик должен передать намерение говорящего» [28, с. 12]. Для этого необходимо определить цель текста -

информировать, убедить или развлечь - и сделать всё возможное, чтобы перевод отразил ее. Например, убеждающая речь может потребовать стилистических улучшений в языке перевода для достижения того же эффекта. Их подход берёт во внимание функциональную роль текста, тесно связывая её с прагматическими целями.

Культурные отсылки еще больше усложняют поддержание прагматической эквивалентности. В литературных текстах часто встречаются идиомы, исторические аллюзии или общественные нормы, незнакомые целевой аудитории. Дж. М. Хаус [31, с. 68] подчеркивает дилемму переводчика: одомашнить эти элементы для ясности или придать им иностранный характер, чтобы сохранить аутентичность. Одомашнивание рискует сгладить культурное богатство текста, в то время как иноязычность может запутать читателя, нарушив его вовлеченность. Переводчик должен определить, как сохранить прагматическую силу источника - его способность вызывать эмоциональный или интеллектуальный отклик - и при этом обеспечить сохранение смысла текста в переводе.

Стилистические особенности, такие как смена регистра, также требуют внимания. Литературный язык часто колеблется между формальными и неформальными тонами, чтобы передать иронию, интимность или социальный статус. М. Бейкер [23, с. 112] подчеркивает, что сохранение этих переходов жизненно важно для прагматического эффекта текста, однако эквивалентность может быть утрачена, если в языке перевода отсутствуют сопоставимые регистры или если переводчик сглаживает эти колебания. Например, внезапный переход к разговорной речи может свидетельствовать о юморе в оригинале, но в переводе он покажется резким. Дж. Мандей [39, р. 192] метко описывает преодоление проблем, связанных с прагматической эквивалентностью перевода, таких как сочетание лингвистической точности, культурной проницательности и творческого подхода к решению проблем. Переводчикам приходится постоянно

искать компромисс между точностью и эффектом, чтобы литературное произведение сохраняло свою силу волновать и вдохновлять, преодолевая языковые границы.

Акцент Б. Хатима и Я. Мейсона на намерениях связывает перевод с его коммуникативной целью. Все вместе они предлагают комплексный подход к достижению прагматической эквивалентности при переводе.

1.2.2. Прагматико-стилистические особенности перевода

Культурно обусловленные значения зависят от общих культурных знаний для интерпретации. Левинсон [37, с. 41] объясняет, что «значение - это не просто вопрос лингвистической формы, оно глубоко укоренено в культурной практике». Рассмотрим английскую идиому «break the ice», которая означает ослабление социальной напряженности. В культурах, где нет подобной метафоры, переводчики должны искать эквивалентные выражения или рисковать утратить культурные нюансы оригинала, балансируя между верностью оригинальному значению и пониманием целевой аудитории.

Регистровые различия отражают вариации в использовании языка в зависимости от контекста, например формальности или жанра. М. А. К. Халлидей [27, с. 111] описывает регистр как набор значений, конфигурацию семантических моделей, которые обычно используются в определенных условиях. В литературе переход к неформальной речи может передавать интимность или иронию. Переводчики должны воспроизводить такие переходы, хотя отсутствие сопоставимого регистра в языке перевода может исказить прагматический эффект [35, с. 14].

Стилистика речи включает в себя сознательный выбор дикции, синтаксиса и регистра, которые формируют эстетическое и эмоциональное воздействие текста.

Дж. Н. Лич [35, с. 15] утверждает, что «стилистическая вариативность - это не просто украшение, она несет в себе самостоятельный смысл». В литературных текстах часто используются такие стилистические приемы, как диалект или архаизм, которые переводчики должны воссоздать или творчески адаптировать, когда прямые эквиваленты недоступны, чтобы целевой текст вызывал аналогичную реакцию.

Ирония и подтекст создают дополнительные сложности, поскольку опираются на имплицитный смысл. Ирония, согласно Д. Сперберу и Д. Уилсону [49, с. 172], включает в себя «диссонанс между сказанным и подразумеваемым», часто для достижения юмористического или критического эффекта. Подтекст, лежащая в основе тема или эмоция, требует вывода из контекста. Оба эти элемента связаны с культурой, и неспособность переводчика передать их - например, превратить ироничное замечание в искреннее - может существенно изменить тон текста.

Также следует отметить, что все эти элементы в совокупности ставят перед переводчиком задачу сохранить как явное содержание, так и неявный, обусловленный контекстом смысл. М. А. К. Халлидей, подчеркивая роль переводчика в сохранении прагматической и стилистической целостности исходного текста через языковые и культурные границы, отмечает: язык - это не только средство передачи идей, но и то, что эти идеи формирует [27, с. 191].

1.2.3. Интертекстуальность как прагматический вызов переводу

Интертекстуальность, согласно словарю В. П. Руднева, - термин, обозначающий способ построения художественного текста посредством обращения через цитаты и реминисценции к другим текстам, отличительная черта постмодернистской литературы [58]. Она представляет собой серьезную прагматическую проблему при переводе, поскольку зависит от способности

читателя различать и интерпретировать отсылки к другим текстам, культурным кодам и общим знаниям. Ю. С. Кристева, которая ввела это понятие, определила его как «перенос одной (или нескольких) знаковой системы (систем) в другую» [34, с. 15]. Она сравнивала тексты со сложной мозаикой цитат, созданной на основе более ранних произведений. Это обременяет переводчиков задачей передать не только поверхностный смысл, но и тонкую сеть аллюзий, обогащающих текст.

У. Эко подчеркивает важнейшую роль читателя в раскрытии этих интертекстуальных слоев, утверждая, что в каждом тексте раскрываются свои внутренние миры, с отсылками к которым взаимодействует читатель [19]. Перевод, однако, сталкивается с трудностями, когда целевой аудитории не хватает культурного или литературного контекста, чтобы понять эти аллюзии. Например, шекспировское эхо в английском романе может зацепить англоязычного читателя, но потребовать объяснения или адаптации для других. Для решения этой проблемы М. Бейкер предлагает такие приемы, как экспликация или культурное замещение [23], хотя такие вмешательства могут изменить прагматический резонанс текста.

Проблема усиливается в постмодернистских текстах, где интертекстуальность плотная и преднамеренная. Е. С. Николаева и И. Г. Барабанова отмечают, что писатели-постмодернисты используют «разнообразные формы межтекстового взаимодействия для демонстрации связи их произведений с произведениями других писателей и для создания сложного контекста, требующего от читателя владения широкими фоновыми знаниями» [12, с. 54]. это фактически превращает перевод в переписывание культурных кодов. Это особенно заметно в произведениях А. С. Байетт, изобилующих отсылками к викторианской поэзии и сказкам, которые определяют их повествовательную ткань. Н. М. Нестерова и Ю. К. Попова подчеркивают, что перевод «Обладать» А. С. Байетт, как

неовикторианского романа, «должен быть выполнен на современном переводчику языке, при этом для воссоздания колорита викторианской эпохи и для сохранения контраста между прошлым и настоящим в текст перевода необходимо включить стилистически маркированную лексику (архаизмы и модернизмы) в том объеме, в каком она представлена в тексте оригинала» [11, с. 155] . Только в этом случае удастся сохранить историческую стилизацию, являющуюся ключевым элементом стратегии автора.

Семиотический взгляд Ю. С. Кристевой придает дополнительную глубину, потому как она рассматривает тексты как динамические знаковые системы, переплетающиеся с контекстом: «Трансформируя материю языка (его логическую и грамматическую организацию) и перенося в нее соотношение социальных сил на исторической сцене (в своих означаемых, упорядоченных локусом субъекта коммуницируемого сообщения), текст связывается - связан - с реальным двояко: через язык (смещенный и трансформированный) и через общество (с трансформацией которого он согласуется)» [7, с. 11]. Вторя М. М. Бахтину, и в то же время развивая его мысль, она пишет, что «всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [6, с. 429]. Переводчики должны, поддерживая взаимодействие голосов и отсылок, сохранять ту диалогическую сущность, которая образовывается благодаря переплетению культурных и исторических контекстов. Интертекстуальность заставляет их выйти за рамки простого лингвистического переноса, реконструируя культурные и литературные рамки, лежащие в основе смысла текста, - задача, требующая как научной проницательности, так и творческой адаптации.

1.3. Переводческая практика и приёмы передачи прагматических значений

1.3.1. Подходы Ю. А. Найды (формальная/динамическая эквивалентность)

Концепции формальной и динамической эквивалентности Ю. А. Найды, представленные в книге «Toward a Science of Translating» [41] представляют собой фундаментальную основу для понимания перевода через прагматическую призму. Формальная эквивалентность стремится как можно точнее отразить языковую форму и содержание исходного текста. Ю. А. Найда определяет ее как перевод, который представляет собой наиболее близкий эквивалент сообщения на исходном языке как по форме, так и по содержанию [41, с. 159]. Этот подход делает акцент на точности, часто сохраняя грамматические структуры и лексические варианты оригинала. Однако он может дать сбой при работе с прагматическими элементами, такими, как подтекст, вежливость или культурный контекст, поскольку буквальный перевод может не передать желаемого эффекта или показаться неестественным для целевой аудитории.

Напротив, динамическая эквивалентность обращает всё внимание на восприятие читателя, а не на строгое следование форме. Ю. А. Найда описывает её как присущее переводу качество, которое заключается в следующем: идея оригинального текста настолько точно перенесена в язык читателя, что его реакция в целом повторяет читателя оригинального текста [41, с. 159]. Сосредоточенный на эквивалентности воздействия, этот метод соответствует прагматическим целям: адаптирует культурные ссылки и идиоматические выражения, чтобы они нашли отклик у целевого читателя.

Влияние подходов Ю. А. Найды на прагматику весьма значительно. Формальная эквивалентность может сохранять прагматические маркеры поверхностного уровня, такие как конвенции вежливости, но не способна адаптировать более глубокие культурные импликатуры. Динамическая эквивалентность, с её акцентом на воздействие на аудиторию, лучше решает эти

проблемы, хотя в своё время в трудах Ю. А. Найды она подверглась критике [39, с. 69] за «недостаточный перевод», когда адаптация переводчика затмевает оригинал, а формальная -- за потенциальный «избыточный перевод», когда смысл скрывается жесткой формой.

Теории Ю. А. Найды, несмотря на их влияние, со временем претерпели изменения. Его акцент на переводе Библии, которая известна доступностью, может ограничить их применение к литературным текстам, отличающимся стилистической сложностью [39]. Более поздние разработки, такие как функциональная эквивалентность, опираются на динамическую эквивалентность и учитывают назначение текста в его культурных рамках. Следует отметить, что формальная и динамическая эквивалентность Ю. А. Найды остаются необходимыми инструментами для решения прагматических задач в переводе. Они подчеркивают деликатную задачу переводчика - сбалансировать лингвистическую точность и коммуникативное намерение, обеспечивая сохранение прагматической силы текста перевода.

1.3.2. Концепции В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова

В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, М. Бейкер, Б. Хатим и Я. Мейсон внесли уникальный вклад в прагматические аспекты перевода, уделив особое внимание тому, как смысл и намерение передаются через языковые и культурные границы. Их концепции - прагматическая адаптация, экстралингвистические факторы, импликатуры, вежливость и коммуникативное намерение - образуют твёрдую базу для понимания перевода как прагматического акта.

В основе теории В. Н. Комиссарова - прагматическая адаптация, которую он описывает как процесс модификации перевода для достижения того же прагматического эффекта, что и в оригинале [5, с. 210]. Этот подход требует от

переводчиков корректировки языковых структур - например, переформулирования формальной русской команды в вежливую английскую просьбу - в соответствии с нормами языка целевой аудитории. Акцент на эффекте, а не на форме, гарантирует, что переведенный текст будет соответствовать намеченной коммуникативной цели.

Л. С. Бархударов дополняет теорию, выделяя экстралингвистические факторы, утверждая, что перевод - это не только лингвистический, но и культурный акт [2, с. 16]. Он подчеркивает важность культурного, социального и исторического контекста в формировании смысла. Например, перевод русской пословицы на английский язык может потребовать замены культурно эквивалентного выражения, чтобы сохранить его прагматическое воздействие. Внимание Л. С. Бархударова к этим внешним воздействиям обеспечивает соответствие перевода культурным рамкам целевой аудитории.

Эти ученые в совокупности подчеркивают роль переводчика в навигации по лингвистическим, культурным и интенциональным измерениям. Адаптация В. Н. Комиссарова и культурный фокус Л. С. Бархударова закладывают основу для эффективного межкультурного перевода.

1.3.3. Современные теории переводческой прагматики, критика классических подходов, новые решения

Современные теории перевода все больше интегрируют прагматику, уделяется особое внимание контексту, познанию и коммуникации для достижения эквивалентности между языками. Три ключевых подхода - теория релевантности, когнитивная прагматика и оценка качества перевода - предлагают различные, но взаимодополняющие основы для передачи прагматического смысла, подкрепленные точными сведениями из основополагающих текстов.

Теория релевантности, сформулированная Д. Уилсоном и Д. Спербером в книге «Meaning and Relevance» [49], основана на идее, что коммуникация стремится к оптимальной релевантности, балансируя между когнитивным эффектом и затратами на обработку. Они утверждают, что «человеческое познание, как правило, направлено на максимизацию релевантности» [49, с. 88], предполагая, что переводчики должны дать целевой аудитории возможность эффективно выводить предполагаемые смыслы. В частности, успех перевода зависит от того, насколько хорошо он позволяет целевой аудитории догадаться о предполагаемом значении с наименьшими когнитивными затратами [49, с. 102]. Для этого необходимо адаптировать импликатуры и культурные сигналы, отдавая предпочтение когнитивному согласованию, а не строгой лингвистической эквивалентности, особенно в отношении таких прагматических элементов, как юмор или косвенность.

Основываясь на этом, когнитивная прагматика Э. А. Гутта, подробно изложенная в книге «Translation and Relevance: Cognition and Context» [26] позиционирует перевод как интерпретационный акт. Э. А. Гутт утверждает, что перевод - это форма вторичной коммуникации, при которой переводчик интерпретирует исходный текст и перевыражает его для новой аудитории [26, с. 224]. Далее он поясняет, что задача переводчика - добиться интерпретационного сходства между исходным и переводным текстами, подчеркивая роль посредника в сохранении замысла источника в новом культурном контексте [26, с. 101]. Такой подход особенно эффективен в литературном переводе, где тон, стиль и подтекст требуют тонкого обращения с лингвистическими и культурными рамками.

Модель оценки качества перевода Дж. Хаус, изложенная в книге «Translation Quality Assessment: Past and Present» [31], предлагает прагматический подход к оценке. Дж. Хаус подчеркивает, что перевод должен соответствовать исходному тексту с точки зрения его прагматической функции, а не только формы, выступая

за функциональную эквивалентность в разных культурах. Она отмечает, что степень эквивалентности исходного и переводного текстов можно определить, сравнив их, предоставляя систематический метод для анализа прагматических несоответствий в регистре или жанре. Эта модель оказывается незаменимой для текстов, в которых ошибки в форме или цели могут нарушить коммуникацию.

В совокупности эти теории подчеркивают прагматическую роль переводчика. Теория релевантности и когнитивная прагматика подчеркивают когнитивную и интерпретационную верность: Д. Уилсон и Д. Спербер отмечают, что перевод предполагает не просто лингвистическую передачу, а воссоздание коммуникативного события [49, с. 174], а Э. А. Гутт добавляет, что контекстуальные эффекты к тому же должны быть похожи на оригинальные [26, с. 128]. В то же время система Дж. Хаус обеспечивает прагматический успех за счет структурированной оценки, утверждая, что «переводы оцениваются по их адекватности ситуации перевода» [31, с. 134]. Вместе они помогают переводчикам всесторонне управлять передачей смысла.

Классические подходы к переводу, такие как дословный или пословный, давно подвергаются критике за неспособность учитывать прагматические аспекты языка, включая контекст, подтекст и культурные нюансы. Эти методы отдают приоритет языковой форме, а не коммуникативной функции, и зачастую перевод получается точным с точки зрения синтаксиса или словарного запаса, но не передает предполагаемого смысла или эффекта исходного текста. По мере развития переводоведения такие ученые, как Л. Венути, Э. Пим и К. Норд, обратили внимание на эти недостатки и предложили современные рамки, в которых особое внимание уделяется прагматике, предлагая решения, позволяющие достичь функциональной и культурной эквивалентности.

В работе Л. Венути «The Translator's Invisibility» [54] критикуется классический приём беглости, который ставит своей целью создание текста на языке перевода,

который бы воспринимался как родной: существует убеждение, что он ведет к доместикации и затмевает присутствие переводчика. Л. Венути пишет, что при использовании этой стратегии в жертву приносится прагматический контекст исходного текста [54, 17]. Стремясь к плавному, естественному целевому тексту(target text), переводчики часто исключают культурные отсылки, подтексты и стилистические элементы, важные для понимания смысла оригинала. Л. Венути выступает за форенизацию - стратегию, которая сохраняет инородность источника, сохраняя его прагматическую силу и заставляя целевую аудиторию столкнуться с неизвестным и незнакомым.

Э. Пим в книге «Exploring Translation Theories» прослеживает сдвиг в переводоведении в сторону прагматических соображений [43]. Он подчеркивает необходимость подходов, в которых приоритет отдается контексту и намерению, а не форме. Э. Пим выделяет теорию скопоса, разработанную Г. Вермеером, которая утверждает, что цель перевода (скопос) диктует его стратегии. Эта функционалистская перспектива решает проблему прагматики, согласовывая перевод с его предполагаемым эффектом в целевом контексте, преодолевая жесткость классических методов.

Работа К. Норд «Translating as a Purposeful Activity» уточняет этот функционалистский подход, акцентируя внимание на роли переводчика в адаптации текстов к конкретным коммуникативным целям. Она утверждает: «Перевод - это целенаправленная деятельность, и цель определяет стратегию перевода» [42, р. 29], бросая прямой вызов классическим подходам, в которых лингвистическая верность ценится выше функциональности. Модель К. Норд включает в себя лояльность как к исходному тексту, так и к целевой аудитории, обеспечивая сохранение или корректировку прагматических элементов, таких как тон, регистр и импликатура, по мере необходимости.

Эти современные теории в совокупности устраняют ограничения классических подходов, отдавая большее внимание прагматике. Л. Венути показывает, как беглость размывает прагматическое значение, а Э. Пим и К. Норд предлагают решения, которые отвечают коммуникативной. В их работах переводчик позиционируется как активный посредник, преодолевающий языковые и культурные границы и обеспечивающий прагматический резонанс переводов в новом контексте.

Выводы по Главе 1

В Главе 1 были рассмотрены теоретические основы для анализа прагматических аспектов художественного перевода. Прагматика как область, объединяющая лингвистику и переводоведение, предлагает критическое понимание того, как строится смысл за пределами поверхностного уровня слов. В главе рассматриваются основополагающие теории, в том числе теория речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серла, кооперативный принцип и имплицатуры Г. П. Грайса, стратегии вежливости Дж. Н. Лича, а также акцент С. К. Левинсона и Д. Таннен на контексте. Эти концепции подчеркивают, как язык функционирует в качестве коммуникативного инструмента, передавая намерения, культурные нюансы и социальную динамику - элементы, которые особенно ярко проявляются в таком стилистически богатом и интертекстуально многослойном тексте, как «Обладать».

Также были подчеркнуты прагматические проблемы, присущие литературному переводу. Достижение прагматической эквивалентности является одной из главных задач, поскольку требует от переводчиков сохранения коммуникативного смысла и эффекта исходного текста, а не только его языковой формы. В главе показано, как при неправильном обращении с этими элементами возникает риск

утратить прагматическую силу исходного текста, что снижает его способность привлекать целевую аудиторию так же эффективно, как это происходит на родном языке.

Для решения этих проблем в главе рассматривается ряд теорий и методов перевода. Концепции формальной и динамической эквивалентности Найды служат отправной точкой, уравнивая верность форме и адаптацию для достижения эффекта. В то время как формальная эквивалентность сохраняет лингвистическую структуру, динамическая эквивалентность выделяет реакцию читателя, тесно связывая её с прагматическими целями. Основываясь на этом, такие ученые, как В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, М. Бейкер, Б. Хатим и И. Мейсон, предлагают практические стратегии - прагматическую адаптацию, внимание к экстралингвистическим факторам, акцент на импликатурах и коммуникативном намерении - которые повышают способность переводчика передавать смысл в разных культурах. Современные теории, такие, как теория релевантности и когнитивная прагматика, еще более совершенствуют этот подход, подчеркивая когнитивное соответствие и интерпретационное сходство, что способствуют эффективному усвоению материала целевой аудиторией.

В главе также рассмотрена критика классических подходов к переводу, таких, как дословный или пословный, за их неадекватность в отношении прагматических аспектов. Такие ученые, как Л. Венути, Э. Пим и К. Норд, предлагают инновационные решения - фореизацию, функционализм и целенаправленный перевод, - которые делают уклон на культурное посредничество и коммуникативную функцию. Эти взгляды превращают переводчика в активного интерпретатора, которому поручено реконструировать прагматическое воздействие исходного текста в новом лингвистическом и культурном контексте. Для такого текста, как «Обладать», где интертекстуальные аллюзии и

стилистические контрасты являются неотъемлемой частью, подобные подходы жизненно важны для сохранения его многослойного смысла.

В заключение следует отметить, что прагматика незаменима при литературном переводе, особенно при работе с такими сложными постмодернистскими произведениями, как «Обладать» А. С. Байетт. Рассмотренные теоретические основы и методы обеспечивают надежный инструментарий для понимания и учета прагматических тонкостей исходного текста. Всё перечисленное будет применено в сравнительном анализе романа «Обладать» А. С. Байетт на английском и его русского перевода, выполненного В. К. Ланчиковым и Д. В. Псурцевым. Этот практический анализ покажет, насколько эффективно перевод передает прагматическое богатство оригинала, выявит как достижения, так и потенциальные потери. В итоге в этой главе подтверждается, что успешный литературный перевод зависит от глубокого взаимодействия с прагматикой, и это позволяет переводчикам преодолевать языковые и культурные разрывы, сохраняя при этом суть коммуникативной силы исходного текста.

Глава 2. Практический анализ прагматических стратегий перевода романа А. S. Byatt «Possession: a Romance»

2.1. Структурные и прагматические особенности оригинального текста

2.1.1. Особенности жанра и стиля в романе А. С. Байетт «Обладать»

Произведение А. С. Байетт «Possession: a Romance» (1990) - многогранное, не поддающееся прямой классификации, в котором переплетаются элементы романа, исторической фантастики, детективного повествования и академической сатиры. Называя своё творение «романтический роман», автор причисляет его к литературной традиции, которая, как утверждает Н. Готорн в своём предисловии к «Дому о семи фронтонах», предоставляет писателю «некоторую вольность в рассуждении манеры и материала, на какую не смел бы посягать, если бы объявил, что пишет роман реалистический» [59]. А. С. Байетт смешивает исторические и современные элементы: викторианскую поэзию, письма и дневники с современным академическим дискурсом и личными отношениями, - создавая гибридный текст, колеблющийся между реальностью и вымыслом. Эпиграф готовит читателя к повествованию, объединяющему множество жанров: роман, детективную и историческую прозу в академической среде. Эта родовая множественность соответствует полифонической структуре романа, где различные голоса и стили отражают различные временные и интеллектуальные перспективы, вовлекая читателя как на эмоциональном, так и на аналитическом уровнях. Две истории любви – отношения викторианских поэтов Рандольфа Генри Падуба и Кристабель Ла Мотт и современных ученых Роланда Митчелла и Мод Бэйли - повторяют традиции классического женского романа, но А. С. Байетт усложняет повествование постмодернистским самоанализом и интеллектуальной игрой.

Общий стиль А. С. Байетт в романе характеризуется синтезом жанров и речевых регистров, поддерживаемым романтической атмосферой, заданной эпиграфом Н. Готорна. Структура романа включает в себя вставные тексты — поэзию, письма, дневники — стилизованные под викторианские образцы, что усиливает достоверность и углубляет историческую перспективу. Эти тексты создают динамичное взаимодействие голосов и точек зрения, одновременно продвигая сюжет и размышляя о природе литературного творчества и его восприятия.

С прагматической точки зрения, эта сложность служит для погружения читателя в двойственный мир — викторианской литературы и современной академии, отражая исследовательскую деятельность персонажей. Однако такая стилистическая насыщенность представляет собой сложность для перевода, особенно в передаче академического жаргона, культурных аллюзий и изменений регистра при переходе на другие языки, такие как русский.

2.1.2. Полифония, гетероглоссия, цитатность и разнообразие регистров

В оригинальном тексте романа А. С. Байетт полифония проявляется через переплетение множества независимых голосов, каждый из которых вносит уникальный вклад в повествование. Ярким примером служит диалог между Фергусом и Роландом, в котором Фергус рассказывает миф о Мелюзине и его переосмысление в вымышленной поэме Кристабель Ла Мотт, что иллюстрирует сложность произведения с точки зрения прагматики:

Пример 1.

« Christabel LaMotte. Daughter of Isidore, the mythographer. Last Things. Tales Told in November. An epic called The Fairy Melusina. Very bizarre. Do you know about Melusina? She was a fairy who married a mortal... ...And from the waist down

she was a fish or a serpent, Rabelais says an "andouille," a kind of huge sausage, the symbolism is obvious, and she beat the water with her muscular tail... There are all sorts of symbolic and mythological and psychoanalytic interpretations, you can imagine. Christabel LaMotte wrote this long and very convoluted poem about Melusina's story in the 1860s and it was published at the beginning of the 1870s. It's an odd affair-tragedy and romance and symbolism rampant all over it, a kind of dream-world full of strange beasts and hidden meanings and a really weird sexuality or sensuality. The feminists are crazy about it. They say it expresses women's impotent desire. It wasn't much read until they rediscovered it-Virginia Woolf knew it, she adduced it as an image of the essential androgyny of the creative mind-but the new feminists see Melusina in her bath as a symbol of self-sufficient female sexuality needing no poor males. I like it, it's disturbing. It keeps changing focus. From very precise description of the scaly tail to cosmic battles» [60, с. 33-34].

Фергус описывает Мелюзину современным языком, с вкраплениями научных терминов («essential androgyny»), опираясь на средневековую легенду и её культурные версии. Диалог раскрывает читателю широкую литературную и культурную традицию — от средневекового фольклора до гротескных образов Рабле, викторианской поэзии и феминистских активистов. Поэма Ла Мотт, являющаяся вымышленным текстом внутри романа, имитирует стиль старофранцузской легенды, встраивая повествование в историко-литературный контекст и побуждая читателя проводить параллели с поисками знаний и самоидентификации персонажей. Обсуждение «Мелюзины» в романе представляет собой размышление о творчестве и интерпретации образов не только непосредственных участников диалога, но и упомянутых третьих лиц.

Так, диалог включает различные голоса — не только повествующего Фергуса, но и молчаливого, думающего о связи Ла Мотт с Падубом Роланда, упомянутых феминистских активисток, Рабле, Вирджинии Вулф и самой Кристабель Ла Мотт.

Эта множественность, соответствующая концепции полифонии Бахтина, обогащает повествование за счёт столкновения различных точек зрения и интерпретаций. Речь Фергуса варьируется от академического стиля до неформального комментария, отражая склонность А. С. Байетт к разнообразию регистров. Эта смена выполняет важную прагматическую функцию, погружая читателя в интеллектуальную среду литературоведения, сохраняя при этом доступность повествования.

Гетероглоссия в оригинальном тексте романа раскрывается через разнообразие языковых регистров, подчёркивающих различия между эпохами и персонажами. Рассмотрим, как это разнообразие достигается в тексте оригинала. В «Саду Прозерпины» Рандольф Генри Падуб использует формальный, лирический стиль, полный архаичной лексики и сложных образов:

Пример 2.

«These things are there. The garden and the tree
The serpent at its root, the fruit of gold
The woman in the shadow of the boughs
The running water and the grassy space.
They are and were there. At the old world's rim,
In the Hesperidean grove, the fruit
Glowed golden on eternal boughs, and there
The dragon Ladon crisped his jewelled crest
Scraped a gold claw and sharpened a silver tooth
And dozed and waited through eternity
Until the tricky hero Herakles
Came to his dispossession and the theft» [60, p. 1]

Поэма Рандольфа Генри Падуба «Сад Прозерпины» представляет собой викторианский поэтический голос, насыщенный мифологическими образами. Её

торжественный стиль контрастирует с современным разговорным тоном диалога Фергуса и Роланда о «Мелюзине» Кристабель Ла Мотт, где Фергус описывает её, используя разговорный стиль. «Сад Прозерпины» отсылает к классическим мифам о Гесперидах и Геркулесе, помещая поэму в контекст античности.

Цитатность пронизывает роман, связывая его с литературной традицией через отсылки к реальным и вымышленным текстам. Например, письмо Ла Мотт отсылает к «Леди Шалотт» Теннисона («Я, друг мой, выбрала себе путь и должна идти по нему не сворачивая») звучит как личный, рефлексивный монолог:

Пример 3.

«I have chosen a Way – dear Friend – I must hold to it. Think of me if you will as the Lady of Shalott – with a Narrower Wisdom – who chooses not the Gulp of outside Air and the chilly river-journey deathwards – but who chooses to watch diligently the bright colours of her Web – to ply an industrious shuttle – to make – something – to close the Shutters and the Peephole too –...» [60, p.187].

Письмо Ла Мотт, также написанное в возвышенном регистре, характерном для эпистолярных романов, сочетает в себе сдержанную эмоциональность и изысканность викторианского письма. Оно, как и поэзия Падуба, принадлежит к голосам прошлого, которые в своём времени вынуждены придерживаться рамок приличия, формальности и утонченной лексики. С ними контрастируют реплики современных персонажей, например, диалог о «Мелюзине» демонстрирует академический стиль с элементами разговорной речи: Фергус смешивает научные термины с просторечными выражениями. Это сочетание регистров не только обогащает текст, но и создаёт динамичный переход между прошлым и настоящим, усиливая восприятие.

Создавая искусственные тексты, имитирующие исторические формы, А. С. Байетт стирает границу между реальным и воображаемым, приглашая читателя присоединиться к научному исследованию современных персонажей. Диалог о

«Мелюзине» включает ссылки на средневековые легенды, Рабле и феминистские интерпретации, создавая многослойный культурный комментарий. Письмо Ла Мотт напрямую цитирует «Леди Шалотт» Теннисона, сравнивая её судьбу с собственной, что подчёркивает тему изоляции и творчества. Эти интертекстуальные связи приглашают читателя к активному осмыслению текста. Впоследствии будут проанализированы использованные переводчиками приёмы для сохранения такой прагматической информации.

2.2. Передача аспектов невербальной коммуникации и косвенных речевых актов

2.2.1. Примеры передачи невербальной коммуникации

Невербальная коммуникация в романе А. С. Байетт «Обладать» играет ключевую роль в передаче тонких нюансов взаимодействия персонажей, отражая их социальные роли, эмоциональное состояние и культурный контекст. В данном анализе рассматриваются фрагменты диалогов между Роландом Митчеллом и Мод Бейли, где выявляются неречевые отказы, их контекст и прагматическая функция.

Пример 4.

The beautiful thing in that room was Maud Bailey herself, who went down on one knee very gracefully to plug in a kettle, and produced from a cupboard two blue and white Japanese mugs.	Хозяйка грациозно опустилась на одно колено, включила электрический чайник и достала из шкафчика две японские чашки бело-синей раскраски.
---	---

"Take a seat," she said crisply, indicating a low upholstered bright blue chair where students no doubt sat to have their work handed back. She handed him walnut-coloured Nescafe. She had not taken off the headdress. "Now, how can I be of help to you?" she said, taking her own seat behind	– Присаживайтесь, – сухо бросила она, указав на низкое кресло с голубой обивкой, куда, без сомнения, обычно усаживала студентов, пришедших получить свою письменную работу с оценкой. Она протянула Роланду кружку светло-каштанового «Нескафе».
---	--

the barrier of the desk. Roland meditated strategies of evasion of his own. He had vaguely imagined, before meeting her, that he might be able to show her Xeroxes of the purloined letters. Now he knew he could not. Her voice lacked warmth.

[60, p. 40]

Тюрбан свой она всё не снимала. — Так чем могу служить? — спросила она, усевшись в кресло за письменным столом, который отгородил её от Роланда как барьер.

Тут Роланд принялся мысленно разрабатывать собственную стратегию уклончивости. До встречи с доктором Бейли его посещала робкая мысль: а не показать ли ей ксерокопии похищенных писем? Теперь он ясно видел: нельзя. Нет у неё тепла в голосе... [59, с. 69]

В данном отрывке из романа Мод Бейли демонстрирует сдержанность и дистанцированность в общении с Роландом через невербальные сигналы, такие как сохранение головного убора, сухой тон голоса, выбор места за письменным столом и жесты, связанные с подачей кофе. Согласно Г. П. Грайсу и Д. Сперберу, Д. Уилсону, невербальная коммуникация несёт прагматическую функцию, усиливая коммуникативное намерение, а именно — подчёркивание нежелания сотрудничать и сохранения профессиональной дистанции. Мод не сняла головной убор, что интерпретируется как символ её закрытости и нежелания устанавливать доверительные отношения. Переводчики стремятся передать эффект и воздействие на читателя, а не строго следовать форме оригинала. В оригинале фразы «She handed him walnut-coloured Nescafe. She had not taken off the headdress» создают чёткий ритм: два коротких предложения, описывающих последовательные действия, передают сдержанность и холодность персонажа. Так А. С. Байетт создаёт нейтральное описание действий, где факт неснятия головного убора воспринимается как равнозначный по значимости жесту подачи кофе. В переводе фраза «Тюрбан свой она всё не снимала» выделяет неснятия тюрбана через усилительную конструкцию «всё не», которая в русском языке добавляет

эмоциональный оттенок, подчёркивая упорство Мод в сохранении дистанции. Это, как и грамматическая трансформация, проявившаяся в изменении структуры предложения, смещает фокус на её нежелание сотрудничать, делая его более явным.

Мысли Роланда («Her voice lacked warmth», «Нет у неё тепла в голосе») играют ключевую роль в подчёркивании холодности Мод, усиливая прагматическую функцию невербальной коммуникации. В оригинале и переводе эта фраза служит эксплицитным комментарием, который направляет читателя к интерпретации невербальных сигналов Мод (тюрбан, сухой тон, барьер стола) как признаков дистанции. Перевод «Нет у неё тепла в голосе» точно передаёт эту прагматическую функцию, используя разговорный эквивалент, характерный для русской речи.

Намёк на сарказм замечен в диалоге, где Мод предлагает помощь, но с явной сдержанностью.

Пример 5.

“You seem to have had a profitable afternoon.” Сухо:

Drily. Then, as a concession, "Exciting, even.”

– Плодотворно вы сегодня поработали.

“I don't know. The whole thing is a wild-goose chase.”

А потом мягче:

“If I can help-” said Maud, having packed away Blanche's pages into their box. “I shall be only too happy. Let's have coffee. There's an SCR Coffee place in the Women's Studies block.”

– Можно сказать, не скучали.

– Не знаю, не знаю. По-моему, пустые хлопоты.

“Am I allowed in?”

Мод уложила дневник обратно в коробку.

“Naturally,” said the frigid voice

– Если надо помочь, я к вашим услугам, –

[60, p.48]

объявила она. – Пойдёмте выпьем кофе. На

факультете женской культуры есть кафетерий
для преподавателей.

– А меня туда пустят?

– Разумеется, – ледяным тоном
ответила Бейли.

[59, с.81]

Её реплика: «Если надо помочь, я к вашим услугам» («If I can help—I shall be only too happy») на поверхности звучит как предложение, но тон и контекст (она только что убрала документы Бланш) намекают на нежелание углубляться в обсуждение. Согласно Г. П. Грайсу, это конвенциональная импликатура: Мод формально предлагает помощь, но её холодный тон и последующее предложение выпить кофе в другом месте сигнализируют о желании сменить тему. Прагматическая функция — контроль над ситуацией и избегание личных тем. Для перевода используется лексическая трансформация, русский вариант «я к вашим услугам» усиливает формальность, добавляя оттенок официоза, но теряя саркастическую тонкость английского «only too happy». Скрытый подтекст теряется, это смещает восприятие: Мод кажется более формальной, чем сдержанно-уклончивой. Прагматическая функция (контроль над беседой, избегание личных тем) сохраняется только частично, за счёт невербальной коммуникации, где Мод в обоих случаях убирает дневники в коробку.

Стилистическая модуляция была использована в переводе «Exciting, even.» Перевод не буквальный и не функциональный, а адаптивный. Фраза «можно сказать, не скучали» переформулирует «exciting» в разговорный русский оборот, теряя саркастический оттенок оригинала и делая тон мягче, почти нейтральным,

что снижает иронический эффект. Прагматическая функция частично утрачена, так как сарказм ослаблен, но смягчение тона соответствует описанию употреблённому слову «мягче» в переводе.

Отказы, выраженные косвенно, видны в реакции Бейли на вопрос Роланда о допуске в кафетерий: «Разумеется», произнесённое «ледяным тоном». Это не прямой отказ, а косвенное выражение раздражения, вызванное, вероятно, сомнением Роланда в её гостеприимстве. Английское «naturally» с его лаконичностью и «frigid voice» передают ту же дистанцированность и холод, что и русский перевод.

Частично утрачиваются в переводе косвенного отказа межкультурные коннотации. Английское «naturally» лаконично и, в сочетании с «frigid voice», передаёт раздражение Мод, вызванное вопросом Роланда о допуске в кафетерий, которое отражает британскую академическую культуру, где такие вопросы могут восприниматься как бестактность. Для русскоязычного читателя раздражение Мод может быть менее очевидным, что слегка снижает прагматическую функцию — подчёркивание её авторитета и сигнализацию о нежелании продолжать обсуждение в этом ключе.

Несмотря на использование эффективных переводческих стратегий, в ряде случаев локальная адаптация теряет прагматическую информацию, включая иронию, степень вежливости, скрытый подтекст и межкультурные коннотации. На основе фрагментов диалога Роланда Мичелла и Мод Бейли, рассмотренных в данном подпункте, проведённый анализ выявляет, что, опираясь на теории Г. П. Грайса, и М. Бейкер, эти утраты происходят при передаче тонкого сарказма и оригинальную прагматическую функцию в тексте выполняют невербальные жесты, описанные словами автора.

2.2.2. Примеры передачи косвенных речевых актов в переводе

Косвенные речевые акты в романе А. С. Байетт «Обладать» играют ключевую роль в передаче тонких нюансов взаимодействия персонажей, отражая их социальные роли, эмоциональное состояние и культурный контекст. В данном анализе рассматриваются фрагменты переписки между Рандольфом Генри Падубом и Кристабель Ла Мотт, где выявляются скрытые намеки, просьбы и отказы, их контекст и прагматическая функция. Используя теории Дж. Остина и Дж. Р. Сёрла о речевых актах, а также концепцию имплицатур Г. П. Грайса, мы классифицируем эти акты и определяем их коммуникативное значение.

Пример 6.

If all persons to whom I refused mere vegetable aliment were so to regale me with intellectual nourishment I should remain obdurate in the matter of sandwiches till all eternity – but most petitioners are content with one denial – And that is truly for the best, for we live so very quietly, we two solitary ladies, and run our little household – we have our sweet daily rhythms which are not disturbed, and our circumscribed little independence – on account of being wholly unremarkable – your delicacy will see how it is – I speak soberly for once – we neither call nor receive callers – we met, you and I, because Crabb Robinson was a friend of my dear father – as whose friend was he not? I did not feel it in my power to refuse a request in that name – and yet I was sorry – for I do not go out into society – the lady protests too much, you will say – but she was moved by your green circular visions of contentment, and did wish, briefly, that it was in	Если все, кому я отказываю в такой малости, как овощное блюдо, станут устраивать мне пир разума, то я останусь при своём мнении касательно тартинок с огурцом до скончания века. Только вот мало кто, получив отказ, тревожит меня повторной просьбой. Да оно, по правде сказать, и к лучшему: жизнь наша протекает в тишине и покое; мы две одинокие женщины, живём своими нехитрыми домашними заботами, день за день. Одни и те же славные и неизменные занятия, очерченная известным пределом свобода – доставшаяся нам благодаря нашей совершенной заурядности: Вы, с Вашим тонким вкусом, в ней ещё убедитесь – что-что, а это я говорю не шутя. Мы никуда не выезжаем, никого у себя не принимаем, и наше с Вами знакомство состоялось лишь потому, что Крэбб Робинсон был другом моего отца, – чьим только другом он не был! Я не нашла в себе сил отвергнуть
--	--

her power to give a more satisfactory answer. But it would have been regretted, it would – not only by me, but also by yourself. [60, p.159]

приглашение, освящённое этим именем, но приняла его с неохотой, ибо в обществе не бываю. «Леди упорно твердит своё. Это неспроста», – скажете Вы, но леди так прониклась картиной блаженства в виде зелёных кружочков, что ей на миг захотелось набраться решимости и дать Вам более удовлетворительный ответ. Только как бы об этом не пожалеть – и ведь придётся-таки пожалеть: не только мне, но и Вам.[59, с.241]

Кристабель Ла Мотт, вымышленная викторианская поэтесса, пишет письмо Падубу, в котором она избегает прямого отказа в визите, описывая вместо этого уединённую и размеренную жизнь двух женщин. Она скрывает подразумеваемое намерение за буквальным значением, чтобы Падуб сам передумал навещать её, сохранив при этом, как настоящий джентльмен, викторианскую вежливость. Прагматическая функция — вежливый отказ, подчёркивающий её независимость и социальную изоляцию. Буквально Кристабель описывает свою тихую жизнь, подчёркивает, что гостей они не принимают, даже выражает сожаление, но подразумевает, что посещение дома мужчиной нежелательно и нарушит её рутину. Это косвенный речевой акт (директив, замаскированный под констатив), нарушающий максимум релевантности Г. П. Грайса, так как адресат должен интерпретировать намёк на неуместность визита. Переводчики используют различные переводческие стратегии в этом отрывке, например, в переводе фразы «we neither call nor receive callers» («мы никуда не выезжаем, никого у себя не принимаем») использована формальная эквивалентность, что точно передаёт отсутствие социальных контактов. В некоторых случаях переводчики усиливают тон, чтобы компенсировать возможную утрату подтекста. Например, «and yet I was sorry» переведено как «приняла его с неохотой», что делает сожаление более

явным, усиливая образ социально изолированного общества, к которому принадлежит поэтесса. Таким образом, прагматическая функция сохраняется полностью: русскоязычный читатель легко может интерпретировать косвенный отказ Кристабель, её предпочтение изолированного образа жизни и принадлежность к миру викторианского прошлого.

Рассмотрим фрагмент далее из этого же письма Ла Мотт:

Пример 7.

Can you doubt that I shall be delighted to receive your Swammerdam – if as you come to the end of it, you should still have an inclination to make a copy and send it here. – I cannot promise intelligent criticism – but you cannot be in need of that – a receptive and a Thoughtful reading you are assured of.[60, p.160]	Но неужели Вы сомневаетесь, что я жду не дождусь Вашего «Сваммердама»? – Лишь бы, докончив его, Вы не раздумали послать мне список. Глубокого критического разбора не обещаю – да он Вам едва ли и нужен, – но вдумчивого, чуткого читателя Вы во мне непременно найдёте. [59, с.243]
--	---

Здесь мы можем наблюдать, как Кристабель буквально утверждает, что будет рада получить текст, но риторический вопрос подразумевает просьбу прислать его. К тому же она принижает свои способности, возвышая талант Падуба, чтобы дополнительно побудить его поделиться с ней «Сваммердамом». Это косвенный речевой акт (директив, замаскированный под экспрессив), нарушающий максимум релевантности Г. П. Грайса, так как адресат должен воспринять её интерес как побуждение к действию. Переводчики и здесь прибегли к формальной эквивалентности: «Can you doubt that I shall be delighted...» переведено как «Но неужели Вы сомневаетесь, что я жду не дождусь...», что сохраняет риторический вопрос и энтузиазм. Фраза «a receptive and a Thoughtful reading...» переведена как «вдумчивого, чуткого читателя», и это отражает обещание внимательного чтения. Используются стилистические трансформации, например, перевод фразы «I shall be delighted to receive» («я жду не дождусь») на русском языке звучит более выразительно и эмоционально, тогда как в выражении «if as you come to the end of

it, you should still have an inclination» («Лишь бы, докончив его, Вы не раздумали») существует сослагательное наклонение вместо условного, что добавляет оттенок надежды. К лексическим трансформациям можно причислить следующие: «take a copy and send it here» («послать мне список»), где употреблена замена, «список», вместо привычного современному русскому языку «копии», обозначает рукопись; «you cannot be in need of that» («да он Вам едва ли и нужен»), где добавлено «едва ли» для усиления уверенности в интеллектуальной исключительности собеседника. Прагматическая функция сохраняется полностью, так как русскоязычный читатель может воспринять косвенно выраженную просьбу Кристабель, и архаичный стиль («список») сохраняется. Анализ этих актов показывает, как А. С. Байетт через язык передаёт социальные и эмоциональные нюансы, что создаёт основу для дальнейшего изучения их перевода.

2.3. Принципы вежливости в переводе: сохранение и трансформация прагматических функций

Модальные формы и стратегии вежливости и грубости в романе А. С. Байетт «Обладать» играют ключевую роль в передаче социальных отношений и эмоционального подтекста, особенно в викторианском контексте. Письмо Рандольфа Генри Падуба к Кристабель Ла Мотт, где он просит о встрече, насыщено модальными конструкциями и вежливыми оборотами, отражающими викторианские нормы общения.

Пример 8.

I write with a strong sense of the necessity of continuing our talk, and without premeditation, under the impression that you were indeed as much struck as I was by our quite extraordinary to ask if it would be possible for me to call on you, perhaps one day next week. I feel, I know with a	Я пишу, испытывая неодолимую потребность продолжить наш разговор, и, не раздумывая, ибо и Вы, как мне показалось, были так же взволнованы этой необычной обращаюсь к Вам с просьбой: могу ли я навестить Вас как-нибудь на будущей неделе? Я чувствую, что
---	--

certainty that cannot be the result of folly or misapprehension, that you and I must speak again. I know you go out in company very little, and was the more fortunate that dear Crabb managed to entice you to his breakfast table. To think that amongst the babble of undergraduate humour and through all Crabb's well-wrought anecdotes, even including the Bust, we were able to say so much, that was significant, simply to each other. ~~I cannot surely be alone in feeling~~ [60, p.5]

мы с Вами непременно должны вернуться к нашей беседе, и уверенность эта не блажь, не самообман. Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне удивительно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Какое счастье, что, несмотря на легкомысленное балагурство студиязусов и искусные рассказы Крэбба о примечательных происшествиях – в том числе тот, о бюсте, – нам удалось сказать друг другу так много важного. ~~Вы, без сомнения, разделяете то чувство, которое~~ [59, с.15]

Зачёркнутый текст в этих неотправленных письмах показывает колебания Падуба и желание быть откровенным, но он отказывается от них, сохраняя дистанцию. Модальные конструкции в оригинале «would be possible» и «perhaps» смягчают просьбу, подчёркивая его неуверенность и уважение к личному пространству Кристабель. Согласно Дж. Н. Личу, это соответствует максиме такта, минимизирующей навязчивость. Прагматическая функция — выразить интерес к продолжению общения, сохраняя почтительность и избегая давления.

В русском переводе фразы «...обращаюсь к Вам с просьбой: могу ли я навестить Вас как-нибудь на будущей неделе?» используется модальный глагол «могу» и вопросительная конструкция. Выражение «как-нибудь» передаёт неопределённость оригинального «perhaps», а обращение на «Вы» поддерживает формальность. Кроме того, в письме Падуб использует другие модальные формы для усиления вежливости: «I cannot but feel» («не могу не чувствовать»), «may hope» («могу надеяться»), «do not think I can be mistaken» («не думаю, что ошибаюсь»). Эти выражения смягчают утверждения, представляя их как субъективные предположения, что соответствует максиме скромности Дж. Н.

Лича. Например, фраза «I know you go out in company very little, and was the more fortunate...» подчёркивает уважение к уединению Ла Мотт и выразит радость Рандольфа знакомству.

Используемые переводчиками стратегии перевода сочетают оба вида эквивалентности по Ю. А. Найде. Так, динамическая эквивалентность заметна в переводе предложения «I feel, I know with a certainty that cannot be the result of folly or misapprehension» («Я чувствую, что мы с Вами непременно должны вернуться к нашей беседе, и уверенность эта не блажь, не самообман») — оригинальная сложная структура упрощена, а выражение "folly or misapprehension" заменено на более разговорное "не блажь, не самообман". Это делает текст более эмоционально насыщенным и доступным, сохраняя при этом основной посыл. Также структура просьбы в целом сохранена, но лексическая адаптация в переводе «it would be possible for me to call on you», использующая «навестить» вместо более формального «посетить» слегка упрощает тон, делая его ближе к русской разговорной норме. Вариант перевода «...мне удивительно повезло...» сохраняет модальность, которая передаётся через лексику, но теряет тонкость английского «was the more fortunate», которое звучит более изысканно. В адаптации на русский язык фразы «amongst the babble of undergraduate humour» («несмотря на легкомысленное балагурство студентозусов») можно заметить доместикацию, которая соответствует русскоязычной норме общения, что делает текст более понятным для русского читателя.

Переводчики успешно передали вежливый тон, тактичность и внутренние колебания Падуба, отражённые в зачёркнутом тексте, используя такие переводческие стратегии, как модальные конструкции, лексическую адаптацию и доместикацию. Прагматический эффект — вежливая просьба, избегание Рандольфом навязчивости, поддержание социальной дистанции — полностью сохраняются.

Противоположные стратегиям вежливости проявления грубости так же встречаются в оригинальном тексте романа и сохраняются в переводе. Нарушение стратегий Г. П. Грайса ярко выражено в диалоге Вэл с Роландом об их совместной жизни.

Пример 9.

Oh, it's all very interesting, my menial keyhole observations, make no mistake. Just it doesn't make sense and it leaves me nowhere. I suppose I envy you, piecing together old Ash's world-picture. Only where does that leave you, old Mole? ... And how are you ever going to afford to get us away from dripping cat-piss and being on top of each other?

[60, p.20]

– Ну что ты, это очень интересно – всякие там подробности, которые подсматриваешь на халтуре в замочную скважину. Только уж больно они нелепые, толку от них ни на грош. Я тебе, кажется, завидую: ты по крохам восстанавливаешь мировоззрение своего душки Падуба. Но тебе-то какой толк от твоих занятий, а, Кротишка? У самого-то у тебя есть мировоззрение? И как ты думаешь выбираться из этой дыры, в конце-то концов? Или так и проживем всю жизнь под потолком, с которого капает кошачья моча, так и будем сидеть друг у друга на голове? [59, с.39]

Оригинальный текст изобилует разговорными выражениями («old Mole», «cat-piss»), риторическими вопросами и эмоциональной прямоотой. В оригинале присутствует самоироничная формулировка: «Oh, it's all very interesting, my menial keyhole observations, make no mistake» которая нарушает максимумы манеры Г. П. Грайса (избегать неясности) и максимум одобрения Дж. Н. Лича (выражать поддержку), подчёркивая пренебрежение к своей работе и создавая контраст с академическими занятиями Роланда. В переводе используется лексическая трансформация, потеряна первая персона («my menial...»), эквивалент «make no mistake» заменяется нейтральным «всякие там подробности» и разговорным «на

халтуре». Это делает самоиронию менее выраженной, а тон — более нейтральным.

Также в оригинальном тексте Вэл использует прозвища «old Mole» и «old Ash», нарушая максиму такта Дж. Н. Лича, так как обращение снисходительное и фамильярное. Такое отношение прагматически дистанцирует её от Роланда, с которым она живёт. Прозвища в русской адаптации претерпели доместикацию: вариант «кротишка» сохраняет лексику, но смягчает тон благодаря уменьшительно-ласкательному суффиксу «-ишка», это делает обращение более фамильярным и менее язвительным; «душка Падуб» обретает уменьшительно-ласкательный оттенок, что в русском языке трактуется как издёвка, которая отсутствует в «old Ash». Ироническая дистанция несколько снижается, частично утрачивается тон язвительной снисходительности.

Вэл грубо и прямо выражает своё недовольство и давит на роланда: Грубость и прямота: «And how are you ever going to afford to get us away from dripping cat-piss and being on top of each other?» Упоминание «dripping cat-piss» и «being on top of each other» нарушает максиму манеры Г. П. Грайса и максиму такта Дж. Н. Лича. Вопрос звучит как вызов и содержит в себе упрёк. В переводе используется стилистическая модуляция: смягчается прямая инструкция («afford to get us away») в более обобщенный вопрос («как ты думаешь выбираться»), что снижает резкость упрёка и делает тон менее вызывающим. Прагматическая функция частично утрачена, так как перевод более мягкий и менее прямолинейный, отсутствует эмоциональная интенсивность и сарказм на том уровне, который наблюдается в оригинале.

2.4. Передача интертекстуальных элементов и их прагматической функции

В письме Падуба к Ла Мотт упоминаются Данте, У. Шекспир, У. Вордсворт, С. Т. Кольридж, И. В. Гёте, Ф. Шиллера, Дж. Вебстера, Дж. Форда и Т. Браун, а также латинское выражение «et hoc genus omne» («и всё в этом роде»). Эти отсылки собирают образ Падуба как эрудированного викторианского поэта, стремящегося к интеллектуальному диалогу.

Пример 10.

Dear Miss LaMotte, It was a great pleasure to talk to you at dear Crabb's breakfast party. Your perception and wisdom stood out through the babble of undergraduate wit, and even surpassed our host's account of the finding of Wieland's bust. May I hope that you too enjoyed our talk – and may I have the pleasure of calling on you? I know you Hue very quietly, but I would be very quiet -I only want to discuss Dante and Shakespeare and Wordsworth and Coleridge and Goethe and Schiller and Webster and Ford and Sir Thomas Browne et hoc genus omne, not forgetting, of course, Christabel LaMotte and the ambitious Fairy Project. Do answer this. You know, I think, how much a positive answer would give pleasure to

Yours very sincerely

Randolph Henry Ash [60, p.87]

Многоуважаемая мисс Ла Мотт, наша с Вами беседа за завтраком у любезного Крэбба доставила мне несказанное наслаждение. Ваши мудрые и проницательные суждения заставили забыть легкомысленные остроты студизусов и затмили даже повествование нашего хозяина о нахождении им Виландова бюста. Могу ли я надеяться, что и Вам беседа наша пришлась по душе? Могу ли я также иметь удовольствие навестить Вас? Мне известно, что жизнь Ваша протекает в совершенном покое, но обещаю, что ничем Вашего покоя не потревожу: я хочу лишь побеседовать с Вами о Данте и Шекспире, о Вордсворте и Кольридже, о Гёте и Шиллере, о Вебстере и Форде, о сэре Томасе Брауне et hoc genus omne*, не исключая, разумеется, и Кристабель Ла Мотт и задуманного ею величественного произведения о Фее. Настоятельно прошу Вас дать мне ответ. Вы, смею думать, знаете, как счастлив будет увериться в Вашем согласии

Ваш покорнейший слуга

*и прочих в том же роде

Письмо характеризуется формальностью, изысканностью и следованием эпистолярным традициям XIX века. В письме Падуб пишет к Ла Мотт и ставит её в ряд с реальными литературными авторами, что создаёт внутреннюю интертекстуальность. Оригинал на английском изобилует вежливыми оборотами и литературными именами, что подчёркивает образованность автора. В письме Падуб пишет к Ла Мотт: «Наша с Вами беседа за завтраком у любезного Крэбба доставила мне несказанное наслаждение. Ваши мудрые и проницательные суждения заставили забыть легкомысленные остроты студюзовсов...»

Упоминание Падубом «Fairy Project» Ла Мотт намекает на её амбициозную поэму Мелюзина, связывая её творчество с мифологической традицией. По Бахтину, это полифонический приём, где голоса классиков вплетаются в диалог, усиливая его культурную глубину. Прагматическая функция — установление интеллектуального равенства и приглашение к творческому обмену. Русский перевод точно передаёт имена и дает точный перевод выражения «et hoc genus omne» со ссылкой («и прочих в том же роде»), сохраняя формальную эквивалентность с использованием форенизации. Однако архаичный тон («настоятельно прошу», «покорнейший слуга») усиливает викторианский колорит, рискуя гиперстилизацией, что делает Падуба более чопорным, чем в оригинале.

Теперь рассмотрим письмо Ла Мотт:

Пример 11.

Dear Mr Ash, No truly -I do not Tease - how	Многоуважаемый мистер Падуб, право же, я
should I demean you or myself so - or you	не интересничаю, изображая неприступность,
demean Yourself to think it. I live circumscribed	— посмею ли я так унижать Вас и себя самое, —
and self-communing - 'tis bestso - not like a	и как Вы сами можете унижать себя
Princess in a thicket, by no means, but more like a	подобными подозрениями? Да, я живу

very fat and self-satisfied Spider in the centre of her shining Web, if you will forgive me the slightly disagreeable Analogy. Arachne is a lady I am greatly sympathetic to, an honest craftswoman, who makes perfect patterns, but is a little inclined to take unorthodox snaps at visiting or trespassing strangers, not perceiving the distinction between the two, it may be, often until too late. ...Now would you not rather have a Poem, however imperfect, than a plate of cucumber sandwiches, however even, however delicately salted, however exquisitely fine-cut? You know you would, and so would I. The Spider in the poem, however, is not my Silken Self but an altogether more Savage and businesslike sister. You cannot but admire their facile diligence? Would Poems came as naturally as Silk Thread. I write Nonsense, but if you care to write again, you shall have a sober essay on the Everlasting Nay, or Schleiermacher's Veil of Illusion, or the Milk of Paradise, or What you Will.

Yours to command in some things

Christabel LaMotte

[60, p. 87]

уединённо, замкнувшись в мире своих мыслей, – такая жизнь мне отрадна, – но отнюдь не как принцесса в лесной глуши, а больше как упитанная и самодовольная паучиха посреди своей блистающей сети, да простится мне это несколько неприятное сравнение. Величайшую симпатию вызывает у меня Арахна – особа, достигшая совершенства в плетении узоров и подчас склонная с беспримерной свирепостью язвить всякого чужака, явился ли он засвидетельствовать своё почтение или вломился просто так: различий между ними она не делает или, как часто случается, замечает слишком поздно. ...Разве не предпочтёте вы стихотворение, пусть и далёкое от совершенства, тартинкам с огурцом, пусть и умело приготовленным, тонко нарезанным, в меру посоленным? Без сомнения, предпочтёте – как предпочла бы и я. Паучиха в стихотворении – не я, существо с шёлковым характером, а моя куда более свирепая и работающая сестрица. Как не восхищаться их старательностью без насады? Вот если бы и стихи выплетались так же легко, как шёлковая нить. Я пишу вздор, но если Вам будет угодно продолжить переписку, Вы получите глубокомысленные рассуждения о Присносущем Нет, о Шлейермахеровом* Покрывале Иллюзии, о Райском Млеке – о чём только пожелаете.

Ответ Падубу Кристабель не менее формально, но добавляет метафоричность: «Я живу уединённо... как упитанная и самодовольная паучиха...» Он насыщен аллюзиями к мифологии (Арахна), литературе и философии («cucumber sandwiches», «Everlasting Nay», «Schleiermacher's Veil of Illusion», «Milk of Paradise»). Сравнение себя с паучихой-Арахной подчёркивает её творческую идентичность и гендерную уязвимость, а упоминание «Ragnarök» Падуба выявляет её духовный кризис, вызванный его поэзией. Эти аллюзии создают напряжённость между её скромностью и амбициями, отражая полифонию голосов (мифологических, литературных, личных). Перевод сохраняет отсылки, но фраза «взволнованное многоглаголение» звучит тяжеловесно, усиливая архаизацию. Также аллюзия «тартинок с огурцом» сохраняется для читателей, знакомых с Уайльдом, но культурный контекст (сатира на викторианское общество) менее понятен для простого читателя без дополнительного пояснения, что связано с ограничениями культурной адаптации.

Перевод адекватно передаёт аллюзии и стилизации, но форенизация и гиперстилизиция снижают лёгкость и могут усложнять восприятие культурной специфики, особенно в юморе и архаичном тоне. Прагматический эффект полифонии и напряжённости сохраняется, но с некоторыми потерями в тонкости.

Вывод по Главе 2

Исследование, проведённое в данной главе, посвящено практическому анализу прагматических аспектов перевода романа А. С. Байетт «Обладать». На основе теорий ведущих исследователей в области перевода и прагматики анализ выявил ключевые переводческие стратегии — формальную и динамическую эквивалентность, прагматическую адаптацию, доместикацию и компенсацию — и оценил их эффективность в сохранении коммуникативного намерения и культурного контекста оригинала.

Рассмотрены косвенные речевые акты, намёки, вежливые просьбы, отказы в диалогах Роланда и Мод, которые подчёркивают их профессиональную и эмоциональную дистанцию, а так же в переписке Рандольфа Генри Падуба и Кристабель Ла Мотт. Для достижения прагматического эффекта переводчики используют динамическую эквивалентность и прагматическую адаптацию, лингвистические, стилистические и лексико-грамматические переводческие приёмы. Утраты связаны с потерей тонкости имплицатур и межкультурных коннотаций, что влияет на восприятие характеров.

Исследована вежливость и ирония в переписке Падуба и Ла Мотт. Модальные формы и стратегии вежливости отражают викторианские нормы. Перевод сохраняет косвенные просьбы, социальная дистанция передана через формальную и динамическую эквивалентность, но смягчение культурных терминов ослабляет сарказм. Напряжённость диалога, выраженная через баланс настойчивости и почтительности, сохраняется, хотя викторианский контекст теряет интенсивность из-за адаптации.

Рассмотрены интертекстуальные элементы и культурные отсылки. Перевод сохраняет отсылки через формальную эквивалентность, но форенизация и отсутствие пояснений для русскоязычного читателя снижают культурную

глубину. Полифоническая структура, созданная переплетением литературных и мифологических голосов, частично сохраняется, но юмор и викторианская ирония могут быть ослаблены.

В целом, переводчики эффективно передают прагматические функции, адаптируя текст для русскоязычной аудитории, но доместикация и гиперстилизация приводят к утратам: викторианский колорит, тонкость иронии и межкультурные коннотации теряют резкость.

Заключение

Целью данного исследования было изучение прагматических особенностей оригинального текста романа А. С. Байетт «Обладать» и способов их передачи в русском переводе В. К. Ланчикова и Д. В. В данной работе рассмотрены теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Р. Серла, кооперативный принцип Г. П. Грайса, стратегии вежливости Дж. Н. Лича, исследования, рассматривающие прагматику – Д. Ф. Таннен, С. К. Левинсона, концепции В. Н. Комиссарова, М. Бейкер, , позволяющих рассмотреть теоретические подходы к прагматике и художественному переводу, определить прагматические функции диалога, стилистики и интертекстуальности в оригинале, выявить особенности прагматического оформления текста, проанализировать переводческие стратегии и сформулировать выводы о приемах, трудностях и стратегиях перевода.

В первой главе были заложены теоретические основы анализа. Задача рассмотрения теоретических подходов к прагматике и переводу реализована через обзор ключевых концепций. Теория речевых актов Остина и Сёрля определила речевые акты как единицы коммуникации, подчёркивая их иллокутивную силу. Кооперативный принцип Грайса и его максимы объяснили механизмы имплицатур, а принцип вежливости Лича выявил роль социальных норм в коммуникации. Контекст, согласно Левинсону и Таннен, был рассмотрен как фактор, формирующий прагматический смысл. Прагматические трудности перевода проанализированы через проблемы эквивалентности, косвенных речевых актов, культурных значений, регистров и интертекстуальности Ю. А. Найды, В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, Б. Хатима и Я. Мейсона, дополнены анализом стратегий формальной и динамической эквивалентности, прагматической адаптацией и учетом культурного контекста. Современные теории и критика

классических подходов подчеркнули необходимость баланса между лингвистической точностью и культурной уместностью.

Во второй главе проведён практический анализ, демонстрирующий применение переводческих стратегий для передачи полифонической структуры, гетероглоссии, косвенных речевых актов, невербальной коммуникации и интертекстуальности. Сопоставительный анализ диалогов и переписок выявил использование формальной и динамической эквивалентности Ю. А. Найды, прагматической адаптации В. Н. Комиссарова, доместикации, форенизации и стилистической модуляции. Например, невербальная коммуникация Мод Бейли и её косвенные отказы в переводе частично утрачивают саркастические импликатуры Г. П. Грайс из-за смягчения тона в переводе. Косвенные речевые акты в письмах Ла Мотт сохраняют иллокутивную силу по Дж. Р. Сёрлу благодаря формальной эквивалентности, но усиленная архаизация снижает лёгкость восприятия русскоязычным читателем. Вежливость, максимы такта и скромности Дж. Н. Лича переданы через модальные конструкции, однако доместикация иногда смягчает иронию. Интертекстуальные аллюзии сохранены с помощью формальной эквивалентности и форенизации, но гиперстилизация и отсутствие пояснений снижают понимание английского культурного кода для русскоязычного читателя. Анализ переводческих стратегий (формальная и динамическая эквивалентность, адаптация, доместикация, компенсация) показал их эффективность в передаче прагматических функций, но выявил утраты: викторианский колорит, тонкость иронии и межкультурные коннотации ослаблены из-за адаптации к русской стилистике. Эти находки подчёркивают сложность перевода постмодернистского текста, где полифония и культурные отсылки требуют тонкого баланса между верностью оригиналу и доступностью для читателя.

Таким образом, исследование достигло поставленной цели, раскрыв прагматические аспекты А. С. Байетт «Обладать» и оценив их перевод. Первая глава обеспечила теоретическую основу, вторая — практический анализ, тем самым подтвердив, что прагматическая эквивалентность достигается через комбинацию стратегий, но ограничена культурными и стилистическими различиями. Результаты выпускной квалификационной работы могут быть использованы в практике перевода, преподавании прагматики и стилистики, а также для дальнейших исследований когнитивной прагматики и переводческой интертекстуальности.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; ред. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод : вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Вострикова, Е. Семантика vs прагматика : современные подходы // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2010. – № 3. – С. 112–125.
4. Ивлева, А. Ю. Проблема оценки качества перевода : подходы к решению // Языкознание и литературоведение. – 2018. – № 2. – С. 45–53.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода : лингвистические аспекты / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Логос. – 2000. – № 4. – С. 87–102.
7. Кристева, Ю. Семиотика : исследования по семанализу / Ю. Кристева. – 2-е изд. – М. : Академический проект : Philosophical technologies, 2015. – 368 с.
8. Лю Байвэй. Исследование понятия эквивалентности в лингвистической школе теории перевода / Лю Байвэй, Сю Цзяцзинь // Вестник перевода. – 2023. – № 2. – С. 15–27.
9. Макеева, Л. Б. Что есть значение? Ответ Пола Грайса // Филологический класс. – 2020. – № 2. – С. 34–41.
10. Напцок, Б. Р. К проблеме изучения интертекстуальности в художественном произведении / Б. Р. Напцок, Г. В. Соколова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. – 2018. – № 3. – С. 45–52. – Режим доступа :

<https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-adygeyskogo-gosudarstvennogo-universiteta-seriya-2-filologiya-i-iskusstvovedenie> (дата обращения: 22.06.2025).

11. Нестерова, Н. М. О специфике перевода постмодернистских художественных текстов (на материале произведений А. Байетт и их переводов на русский язык) / Н. М. Нестерова, Ю. К. Попова // Филологические науки. – 2017. – № 4. – С. 67–75.
12. Николаева, Е. С. Явление интертекстуальности в исследовании постмодернистского художественного текста : переводческий аспект / Е. С. Николаева, И. Г. Барабанова // Филологические науки. – 2019. – № 5. – С. 89–97.
13. Оляндэр, Л. К. Интертекстуальность : терминологические значения и способы ее проявления в художественной литературе // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2017. – № 4. – С. 78–89.
14. Пестерев, В. А. «Логика» повествования в романе А. С. Байетт «Обладание» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8, Литературоведение. Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 45–53.
15. Серебрякова, С. В. Сохранение аллюзивности англоязычного викторианского романа в переводческом дискурсе / С. В. Серебрякова, А. А. Лиховид // Языкознание и литературоведение. – 2022. – № 3. – С. 101–109.
16. Толстых, О. А. Неовикторианский постмодернизм Антонии Байетт (на примере романа «Possession») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия 15, Филология. – 2005. – № 6. – С. 123–130.
17. Фомин, К. А. Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой как трансформация теории литературной традиции // Вопросы философии. – 2015. – № 7. – С. 78–86.

- 18.Шишова, Е. В. Определение термина дисфемизм в лингвистических терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях // Филология и культура. – 2014. – № 2. – С. 89–96.
- 19.Эко, У. Роль читателя : исследования по семиотике текста / У. Эко. – М. : АСТ, 2016. – 480 с.
- 20.Alfer, A. A. S. Byatt : Critical Storytelling / A. Alfer, A. Edwards de Campos. – Manchester : Manchester University Press, 2010. – 224 p.
- 21.Austin, J. L. How to Do Things with Words : The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955 / J. L. Austin. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – 166 p.
- 22.Baker, M. In Other Words : A Coursebook on Translation / M. Baker. – 2nd ed. – London : Routledge, 2006. – 332 p.
- 23.Becker, S. Postmodernism and the Art of A. S. Byatt // English Studies. – 2008. – Vol. 89, No. 5. – P. 567–583.
- 24.Bublitz, W. Foundations of Pragmatics / W. Bublitz, N. R. Norrick (eds.). – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2011. – 710 p.
- 25.Grice, H. P. Studies in the Way of Words / H. P. Grice. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1991. – 380 p.
- 26.Gutt, E. A. Translation and Relevance : Cognition and Context / E. A. Gutt. – 2nd ed. – London : Routledge, 2014. – 270 p.
- 27.Halliday, M. A. K. Language as a Social Semiotic : The Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. K. Halliday. – Baltimore : University Park Press, 1978. – 256 p.
- 28.Hatim, B. The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. – London : Routledge, 2006. – 256 p.
- 29.Hermans, T. Translation in Systems : Descriptive and Systemic Approaches Explained / T. Hermans. – London : Routledge, 2019. – 204 p.

30. Holmes, J. S. The Name and Nature of Translation Studies // Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies / J. S. Holmes. – Amsterdam : Rodopi, 1988. – P. 66–80.
31. House, J. Translation Quality Assessment : Past and Present / J. House. – London : Routledge, 2015. – 207 p.
32. Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism : History, Theory, Fiction / L. Hutcheon. – London : Routledge, 1988. – 268 p.
33. Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation / R. A. Brower (ed.). – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. – P. 232–239.
34. Kristeva, J. Desire in Language : A Semiotic Approach to Literature and Art / J. Kristeva. – New York : Columbia University Press, 1980. – 305 p.
35. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p.
36. Lennard, J. Of Intertexts and Palimpsests : A. S. Byatt's Possession // Critical Quarterly. – 2008. – Vol. 50, No. 4. – P. 78–94.
37. Levinson, S. C. Pragmatics / S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
38. Meylaerts, R. Heterolingualism in/and Translation // Target. – 2006. – Vol. 18, No. 1. – P. 1–15.
39. Munday, J. Introducing Translation Studies : Theories and Applications / J. Munday. – 4th ed. – London : Routledge, 2016. – 376 p.
40. Newmark, P. Approaches to Translation / P. Newmark. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – 200 p.
41. Nida, E. A. Toward a Science of Translating / E. A. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.

42. Nord, C. Translating as a Purposeful Activity : Functionalist Approaches Explained / C. Nord. – 2nd ed. – London : Routledge, 2018. – 174 p.
43. Pym, A. Exploring Translation Theories / A. Pym. – 3rd ed. – London : Routledge, 2023. – 192 p.
44. Sanchez, M. T. The Problems of Literary Translation : A Study of A. S. Byatt's Works // Babel. – 2009. – Vol. 55, No. 3. – P. 231–249.
45. Searle, J. R. Speech Acts : An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
46. Shinn, T. Translating A. S. Byatt's Polyphonic Narratives // Journal of Literary Translation. – 2013. – Vol. 12, No. 3. – P. 89–104.
47. Shuttleworth, M. Dictionary of Translation Studies / M. Shuttleworth, M. Cowie. – Manchester : St. Jerome, 1997. – 234 p.
48. Snell-Hornby, M. Translation Studies : An Integrated Approach / M. Snell-Hornby. – Amsterdam : John Benjamins, 1988. – 163 p.
49. Sperber, D. Relevance : Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford : Blackwell, 2006. – 326 p.
50. Steiner, G. After Babel : Aspects of Language and Translation / G. Steiner. – Oxford : Oxford University Press, 1975. – 507 p.
51. Tannen, D. Talking Voices : Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse / D. Tannen. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 233 p.
52. Toury, G. Descriptive Translation Studies and Beyond / G. Toury. – Amsterdam : John Benjamins, 1995. – 311 p.
53. Tymoczko, M. Translation in a Postcolonial Context / M. Tymoczko. – London : Routledge, 2007. – 336 p.
54. Venuti, L. The Translator's Invisibility : A History of Translation / L. Venuti. – 2nd ed. – New York : Routledge, 2008. – 353 p.

55. Verschueren, J. *Understanding Pragmatics* / J. Verschueren. – 2nd ed. – London : Routledge, 2012. – 216 p.
56. Vinay, J. P. *Stylistique comparée du français et de l'anglais* / J. P. Vinay, J. Darbelnet. – Paris : Didier, 1958. – 331 p.
57. Wilson, D. *Meaning and Relevance* / D. Wilson, D. Sperber. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 400 p.
58. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Электронный ресурс] / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – Режим доступа : https://www.booksite.ru/fulltext/slo/var/cul/tur/rud/nev/rudnev_v/40.htm (дата обращения: 22.06.2025).

Источники:

1. Байетт, А. С. *Обладать : романтический роман* / А. С. Байетт ; пер. с англ. В. Ланчикова, Д. Псурцева. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 800 с.
2. Byatt, A. S. *Possession : A Romance* / A. S. Byatt. – London : Vintage, 1991. – 511 p.